

УДК 34:39(=511.131)

Ю. А. Перевозчиков

**ОБ ЭТНОПРАВОВЫХ ИССЛЕДОВАНИЯХ
В УДМУРТОВЕДЕНИИ**

Предлагается обзор этнографических работ, посвященных изучению правовых аспектов удмуртской этнокультуры. Особо акцентируется значение имевших общероссийский резонанс уголовных прецедентов («Мултанское дело», «Лудорвайское дело») для понимания специфики традиционных обычно-правовых норм; анализируются итоги дискуссии историков, посвященной *кенешу* – органу самоуправления удмуртской общины, выделяются основные направления этноправовых исследований в изучении удмуртского этноса. Обозначены прикладные аспекты юридической этнологии в современных этносоциальных и этнокультурных практиках.

Ключевые слова: юридическая этнология, обычное право, удмурты, удмуртская община *бускель*, орган общинного самоуправления *кенеш*.

Есть определенная закономерность во всплесках интереса гуманитариев к юридической проблематике в переломные периоды развития общества и государства. Помимо очевидного объяснения этому феномену, вытекающего из регулятивного характера права, можно предположить, что за тысячелетия своей истории человечеством было выработано поистине колоссальное собрание норм и правил, применявшихся и применяемых в различных ситуациях локальными культурами и общностями. Безусловно, этот громадный пласт соционормативной культуры – неисчерпаемый источник сведений об общественном устройстве и архитектуре межличностных отношений.

В условиях трансформации российского общества в отечественной этнологии в 1990-е гг. оформилась юридическая этнология – новая научная дисциплина, предметом которой стали этническая правовая культура, ее ценности, нормы, правовые архетипы, этноправовой менталитет, обычаи и правовые традиции [31, 34].

В духе антропологического правопонимания новой науки формировавшиеся веками этнические правовые институты и нормы признавались неотъемлемым компонентом традиционной культуры этноса, который имеет право на существование даже в условиях универсализации общегосударственной политической

и юридической парадигмы. «Юридическая антропология позволяет увидеть, что обычное право, традиционные этноправовые регулятивы, являясь не просто частью культуры народа, а институционализированной этнокультурной идентичностью, нормативным выражением национально-культурного мировоззрения, определяют действие современного законодательства и сами нуждаются в защите» [1. С. 3].

Без сомнения, наиболее значимым институтом этнической соционормативной культуры традиционного общества выступает обычное право. Вопросы сопряженности правовых обычаев с позитивным правом государства – чрезвычайно актуальны, особенно в аспекте перспективного развития самого этноса, трансформации привычных форм социальной коммуникации и регулирования правовых вопросов внутри этнических коллективов.

Проблемы происхождения и функционирования правовых обычаев – это предмет непрекращающейся дискуссии на стыке целого ряда научных дисциплин: юриспруденции, социальной антропологии, социологии, этнологии, политологии. Дело в том, что, в отличие от результатов целенаправленной нормотворческой деятельности законодателей, правовые обычаи, в том числе современные, порождены самими общественными отношениями и соответственно закреплены негласным консенсусом заинтересованных в их действительности членов сообщества. «Живучесть» обычаев объясняется также их способностью компенсировать пробелы действующего законодательства и тем, что само их существование не предполагает наличия специальных механизмов принуждения со стороны государства [13], что в условиях развитых инструментов достижения общественного согласия имеет особую социальную привлекательность.

На первый взгляд, особенно судя по библиографическим перечням посвященной удмуртам историко-этнографической литературы, может показаться, что проблематика юридических обычаев и обычного права при всей своей важности проигрывает в плане разработанности и исследовательской привлекательности таким ярким удмуртоведческим сюжетам, как традиционные языческие воззрения или декоративно-прикладное искусство. Однако это впечатление обманчиво, хотя бы в свете того общероссийского резонанса, который имел ряд исторических событий, связанных с удмуртами.

Симптоматично, что общинное удмуртское сообщество, в целом адаптированное к имперскому государственному аппарату, в известной степени и по понятным причинам оптимально встроенное в иерархизированно-сословный российский социум, на переломе XIX–XX вв., при переходе от буржуазно-феодальной монархии к советско-социалистическому тоталитаризму вдруг привлекло внимание всей страны двумя уголовными делами, вызванными в первую очередь именно правовыми коллизиями между обычно-правовыми установлениями и общегосударственными юридическими нормами.

Первое из них – печально известное Мултанское дело (1894–1896 гг.), по которому официальные судебные власти пытались обвинить крестьян-удмуртов с. Старый Мултан Малмыжского уезда Вятской губернии в принесении человеческой жертвы языческим богам [17]. Любопытно, что по практически официальной (хотя и не имеющей убедительных доказательств) исторической

трактовке этого события [14. С. 400–402], в основе его лежал земельный конфликт между удмуртским населением Ст. Мултана с двумя русскими жителями д. Анык, которых удмурты не желали принимать в свою земельную общину. Приписав общине ритуальное убийство и обезглавливание нищего, сельские маргиналы якобы пытались обустроиться на освободившихся землях. Однако не эти обстоятельства были ключевыми в ходе нескольких процессов, в разной степени успешных для обвиняемых.

Предметом разбирательства на судебных заседаниях стали языческие верования удмуртов. Нерегулируемые официальным религиозным законодательством нормы и правила языческого культа были подвергнуты научной и правовой экспертизе, которая, впрочем, в заключениях части экспертов оказалась далека от объективности и беспристрастности [9]. Мултанское дело послужило в некоторой степени катализатором в осмыслении роли религиозного компонента в общественной и духовной жизни удмуртов и в последующем косвенно способствовало оценке исследователями реальной социорегулирующей и социоконсолидирующей роли религиозных ритуалов в традиционном удмуртском обществе. Религиозная обрядность на протяжении многих веков идеологически обеспечивала демонстрацию единства и сплоченности всех социоструктурных компонентов этнического массива – от семейно-родового коллектива до обозримого и ощущаемого общезнатического «мира» (в таких молениях, как *элен вöсь, мер вöсь*) [2. С. 112].

Заметную роль в исходе этого «дела» сыграли видные представители российской интеллигенции: писатели, историки и юристы В. Г. Короленко, П. Н. Луппов, Н. П. Карабчевский, А. Ф. Кони и др. – которые силой своей убежденности и убеждения, гражданской ответственности и научного интеллекта не позволили свершиться губительному для судьбы удмуртов и других малых народов России прецеденту – признания практики человеческих жертвоприношений в традиционной религии. Политически ангажированное «дело», построенное на досужих домыслах и корыстных интересах отдельных людей, было признано в итоге злонамеренным и несостоятельным.

Думается, идеологическая и политическая сущность Мултанского дела, объясняемая самой природой разлагавшегося самодержавного, официозно-православного правления, непосредственно связана также с обострением социально-экономических противоречий в российской деревне кон. XIX – нач. XX вв., предсказуемо экстраполировавшихся в поле межконфессиональных и межэтнических отношений. Современному правовому истолкованию Мултанского дела посвящена обстоятельная статья А. А. Шепталиной [32], сопровождаемая выдержками из судебных материалов.

В юридическом смысле формирование после отмены крепостного права нового субъекта правовых отношений – крестьянской общины, обладавшей санкционированным государством низовым судопроизводством, само по себе вызывало различные правовые коллизии, доселе незнакомые российской практике. Побочным, но отрадным для науки следствием возникшей в этой связи острой потребности Российского общества и государства в информации о традиционных народных правовых нормах стал бурный рост в отечественной

этнографии числа публикаций по обычному праву. В корпусе удмуртоведческих работ появились труды М. Н. Харузина, П. М. Богаевского, В. П. Тихонова, Г. Е. Верещагина, С. К. Кузнецова [3, 4, 15, 28, 29] и других авторов, содержащие пространные сюжеты и непосредственно посвященные правовым обычаям удмуртских крестьян-общинников. Эти работы были отмечены и в фундаментальном библиографическом описании литературы об обычном праве инородцев Е. И. Якушкина [35].

В экономическом смысле обезземеливание и растущая налоговая задолженность крестьян свидетельствовали о необходимости в более эффективных экономических решениях, что также должно было ускорить процесс разложения общины и закономерной трансформации ее неписаных традиций в обычаи и нормы, более отвечающие состоянию вступающего в капитализм российского общества. Это, в свою очередь, требовало более тонкой в правоприменении регуляционной политики государства, нежели грубая попытка облечь поземельный конфликт в кровавый языческий ритуал.

Второе громкое «удмуртское» дело, связанное с коллективным решением общины, получило название «Лудорвайского» [16]. В июне 1928 г. в трех деревнях в окрестностях Ижевска – Непременная Лудзя, Лудорвай и Юськи – произошла массовая порка крестьян. Сельский сход приговорил к наказанию крестьян, скот которых из-за неисправных полевых изгородей нанес потраву. Но наряду с ними выпороли розгами и невиновных, и даже сельских должностных лиц.

Рядовое и ничем не примечательное, с точки зрения норм сельской общины, событие, продемонстрировавшее восстановление с помощью общепотребительной в те времена мерой наказания нарушенной справедливости, обернулось громким, имевшим далекие политические последствия скандалом. Происшествие приобрело поистине всесоюзный масштаб, когда публикации о нем появились не только в местной, но и центральной печати – в «Правде», «Известиях», «Бедноте», «Крестьянской газете», «Комсомольской правде», «Огоньке» и др. Дело в том, что в условиях, когда большевистскому строю понадобился внеэкономический рычаг для воздействия на крестьянство и изъятия придержаных хлебных запасов на цели ускоренной индустриализации, самостоятельность общинной юрисдикции и самосудная практика стали первой мишенью репрессивного государственного аппарата. Веками культивировавшаяся общинная солидарность, освященные верой и опытом предков нормативно-правовые обычаи жизнеобустройства стали помехой на пути насаждения нового социально-управленческого аппарата – советской власти, скрепленной коммунистической идеологией.

Тотальный характер нового властного механизма потребовал организации жесткой, максимально централизованной управленческой вертикали от самой верхушки до низовых структур общественной иерархии. Гражданская инициатива, существовавшие на местах региональные, этнические и исторические традиции и особенности социальной регуляции решительно выкорчевывались либо кардинально трансформировались в рамках новых представительско-исполнительных институтов – советов разных уровней. Само понятие «местное самоуправление» вышло из обихода управленческой практики и «стало рассматриваться лишь применительно к организации власти в государствах Запада» [7. С. 79].

Кенеш как традиционный орган общинного самоуправления, в первые годы советской власти еще сохранявший значительный авторитет и влияние на деревенскую жизнь удмуртов, представлялся патриархальной альтернативой новому государственно-общественному строю, и поэтому «Лудорвайское дело» послужило обоснованием для искоренения этого института как из общественной среды, так и из научного дискурса. Проблема социальной организации удмуртского и, собственно, всего российского крестьянства, в силу идеологически предвзятого отношения, стала трактоваться упрощенно, в русле классового противоборства с враждебным советскому строю и контролировавшим *кенеш* кулачеством.

Отголоски такого отношения к органу самоуправления удмуртской деревни (в частности в попытке обосновать существование «малого *кенеша*» как кулацкого органа, противостоящего «большому *кенешу*» – сходу всех домохозяев общины) можно обнаружить и в материалах дискуссии, которая развернулась в 1960-е гг. между историками-аграрниками Удмуртии. Участники дискуссии – специалисты по истории удмуртского (К. И. Шибанов, А. Н. Вахрушев, М. М. Мартынова и др.), русского (Б. Г. Плющевский), германского (В. Е. Майер) традиционных сельских сообществ тем не менее пришли к сходным выводам о том, что тенденциозная оценка *кенеша* как контрреволюционного органа должна быть пересмотрена, при этом следует принять во внимание как его ведущую роль в решении посредством норм обычного права большинства административных, нормативных и фискальных дел крестьянской общины, так и конкретные исторические условия, в которых происходило становление нового общественного строя [19. С. 52–53].

К сожалению, в развернувшейся в годы «оттепели» дискуссии историков не участвовали представители этнологической и юридической наук, аргументы и позиция которых с высоты сегодняшнего дня выглядят не менее весомо и актуально. Объясняется это тем, что в то время систематические этнографические исследования в республике только разворачивались благодаря усилиям немногочисленной когорты профессиональных региональных этнографов, а рамки советского государственного права не позволяли юристам оценивать более ранние правовые обычаи вне контекста существовавших тогда классовых и идеологических установок. Вместе с тем высказанные в ходе дискуссии мнения о нормативной и правовой деятельности *кенеша*, а также последовавшие в дальнейшем исследования в области аграрной истории, демографии и социальной структуры традиционного удмуртского общества (прежде всего в трудах В. Е. Владыкина, М. В. Гришкиной, Г. И. Обуховой, Г. А. Никитиной, Л. А. Волковой [5, 6, 8, 10, 19, 20, 21]) по сути сформировали отвечающее необходимым методологическим и источниковедческим научным требованиям исследовательское поле для обобщений в сфере изучения соционормативной культуры удмуртов.

Поскольку первичным субъектом нормотворчества и правоприменения в аграрных сообществах являлась сельская община, особое значение для понимания обычного права как соционормативной системы имеют исследования собственно этого социального института. Удмуртская община *бускель* поре-

форменного периода в оценках представителей различных научных дисциплин долгое время воспринималась в широком спектре взглядов – от пережиточного института патриархально-родового строя до практически расшатавшейся в ходе капитализации номинальной социальной организации. Благодаря работам Г. А. Никитиной в последние годы утверждается более взвешенная характеристика удмуртской общины как саморегулируемого социального организма, обладающего этностабилизирующими свойствами и потенциалом самостоятельного развития. Устойчивость общине придавали сложившиеся нормы землепользования, присущие ей общественно-управленческая, религиозно-этическая и собственно обычно-правовая функции [19. С. 154–155].

Своеобразным исследовательским рубежом в области юридической этнологии удмуртов можно считать монографию Ю. В. Александрова [2], в которой автор комплексно рассматривает обширный свод норм обычного права традиционного удмуртского общества вт. пол. XIX – нач. XX вв. Развернутый анализ правовых обычаев, сложившихся внутри общины *бускель*, позволили Ю. В. Александрову подтвердить выводы Г. А. Никитиной и на многочисленных примерах показать функциональность и адаптивность системы удмуртского обычного права *сям*, влияние его норм на формирование социальных практик сельского сообщества в самых различных аспектах его жизнедеятельности, определенную нормативную универсальность для поддержания и воспроизводства этнической идентичности.

Важный аспект научной работы Ю. В. Александрова – обычное семейное право удмуртов. Специфика удмуртской семьи, по мнению исследователя, заключается в более широком включении в ее структуру членов с боковым родством, в существовании более концентрированного «родственного поля». В этом насыщенном многообразными отношениями родства и свойства пространстве функционировала соответственно сложная, порой до изощренности, система внутрисемейных отношений, служащая помимо всего и каналом синхронной и диахронной передачи этнической информации. Складывавшиеся веками нормы внутрисемейного и публичного поведения, внутри- и межпоколенного общения, право наследования и регулирования семейного имущества, сценарии семейно-обрядовой жизни представляются чрезвычайно консервативными и, как правило, неохотно подчиняющимися нормам, транслируемым со стороны государства. Возможно потому, этносемейные правовые обычаи гораздо дольше сохраняли свое влияние на регулирование данной стороны жизни удмуртского общества и намного пережили сам институт сельского общинного союза. В этой сфере исследование Ю. В. Александрова представляется существенным звеном, имеющим обобщающий характер в ряду как более ранних, так и современных работ региональных историков и этнографов (М. Г. Гришкиной, Л. С. Христоролюбовой, Л. И. Семёновой, Г. А. Никитиной, Е. В. Поповой [11, 12, 18, 24, 25, 30] и др.), так или иначе затрагивавших вопросы семьи и семейно-обрядовой жизни удмуртов.

Обычное право *сям*, будучи господствующей, а зачастую и единственной формой права в дореволюционном удмуртском крестьянском обществе, по мнению Ю. В. Александрова, выполняло роль гаранта нормативно-стабильной жизнедеятельности всего этноса. Фактически любой индивид в процессе

инкультурации и социализации погружался в систему нормативно-правовых установок, которые посредством ценностной функционально-понятийной триады (нельзя – можно – нужно) определяли его поведение и общение на всех составляющих уровнях удмуртского социума (индивид – семья – община – этнос), а также проецировалась в иные сферы природного, социального и сакрального окружения [2. С. 226].

Помимо этноправового изучения традиционной соционормативной культуры удмуртов, в последние годы в регионе сформировалось и направление юридической и неотложной этнологии, ориентированное на современные прикладные этноправовые и этнополитические исследования. Необходимость осмысления сегодняшнего статуса недоминирующих этнических групп, понимания и толкования используемых в федеральных и республиканских нормативно-правовых актах и в практической работе этнологических, юридических и политических терминов (нация, титульный этнос, коренные народы, национальные меньшинства, права народов, государственный язык и т. п.) потребовала обращения к проблематике международного гуманитарного права и прав человека. Наиболее плодотворны в юридическом аспекте научные изыскания в области атрибуции этнических общностей Удмуртии как объектов международно-правового регулирования (Ю. А. Перевозчиков, С. К. Смирнова [22, 23, 26, 27]) и оснований, и процедуры этноправовой экспертизы (А. А. Шепталин [33]). Данное направление исследований изначально выстраивалось с учетом финно-угорского и международного измерений и, безусловно, имеет перспективы дальнейшего развития.

Отмечая же в целом исследовательские возможности юридической этнологии, подчеркнем, что в рамках этнокультурной парадигмы этой научной дисциплины «может быть решено множество вопросов специально-юридического характера: о совмещении общегосударственных и этногрупповых прав и интересов, об обязанности этнических общностей и государства по отношению друг к другу, о содержании правового статуса этносов и способе урегулирования вопросов, связанных с проживанием на их территории представителей иных этнических групп, о пределах этнического самобытного права и обычая в уголовном, административном, гражданском и иных отраслях права и многие другие» [1. С. 13].

Для юридического и практического удмуртоведения существенно, что удмуртский этнос и сегодня как этносоциальный организм функционирует и воспроизводится преимущественно в аграрной сфере. Будучи коренным населением, удмурты сохранили многие традиционные черты своей соционормативной и духовной культуры, в том числе и существенную часть кодекса норм обычного права. В условиях реформирования и трансформации общества и государства типична ситуация, когда существующие в законодательстве пробелы восполняются правовыми обычаями или стихийным «общественным нормотворчеством». В тех сферах, где этническая традиция сохраняет свои устойчиво функционирующие неписанные правила, в частности в сфере самоуправления на местах, в семейной жизни, в практике проведения общественных и культурных событий, по всей вероятности, нормы обычного права могут применяться как компонент, дополняющий официальное законодательство и составляющий с ним единое целое – систему национального права.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Агафонова Е. А. Юридическая антропология: Концептуальные идеи и принципы: Автореф. дисс. к.ю.н. Ростов-на-Дону, 2009. 23 с.
2. Александров Ю. В. Обычное право удмуртов (XIX – начало XX вв.). Ижевск: Удмуртия, 2014. 272 с.
3. Богаевский П. М. Очерк быта Сарапульских вотяков // Сб. материалов по этнографии, издаваемый при Дашковском этнографическом музее. М., 1888. Вып. III. С. 14–64.
4. Верецагин Г. Е. Общинное землевладение у вотяков Сарапульского уезда // Календарь и пам. кн. Вят. губ. на 1895 г. Вятка, 1895. С. 79–146.
5. Владыкин В. Е. Очерки этнической и социально-экономической истории удмуртов (до нач. XX века): Автореф. дисс. к. и. н. М., 1969. 20 с.
6. Владыкин В. Е., Гришкина М. В. О характере социальных отношений в удмуртской деревне конца XVII – начала XVIII вв. (по материалам 2-х сысков) // Вопросы истории Удмуртии. Ижевск: НИИ, 1974. Вып. 2. С. 229–246.
7. Войтович В. Ю. Лудорвайское дело и его последствия для России // Вестник Удмуртского университета. Вып. 1. 2010. С. 78–82.
8. Волкова Л. А. Земледельческая культура удмуртов (вторая половина XIX – начало XX века). Ижевск, 2003. 385 с.
9. Гибадуллина Н. М.-Н., Гибадуллин Р. М. Профессор И. Н. Смирнов в «Мултанском процессе»: «триумф» и трагедия ученого // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2013. № 5 (31): в 2-х ч. Ч. II. С. 43–47.
10. Гришкина М. В. Крестьянство Удмуртии в XVIII веке. Ижевск: Удмуртия, 1977. 187 с.
11. Гришкина М. В. Семья у удмуртского и русского крестьянского населения Удмуртии в последней четверти XVII – первой четверти XVIII в. (поколенная и половозрастная структура, численный состав) // Вопросы социально-экономического и культурного развития Удмуртии в XVII – первой половине XIX вв. Ижевск: НИИ при Совете Министров УАССР, 1981. С. 61–98.
12. Гришкина М. В. Удмуртская семья в XVIII – первой половине XIX вв. // Семейный и общественный быт удмуртов в XVIII–XX вв. Устинов: НИИ при Совете Министров УАССР, 1985. С. 3–18.
13. Дашин А. В. Обычное право как структурно-функциональный элемент национальной правовой системы: историко-теоретический и сравнительно-правовой анализ: Автореф. дисс. д. ю. н. СПб., 2006.
14. История Удмуртии: Конец XV – начало XX века / Под ред. К. И. Куликова. Ижевск: УИИЯЛ УрО РАН, 2004. С. 400–402.
15. Кузнецов С. К. Общинные порядки у вотяков Мамадышского уезда Казанской губернии // ЭО. 1904. № 4. С. 24–49.
16. Куликов К. И. Лудорвайское дело и коллективизация в Удмуртии // Материалы к серии «Народы Советского Союза». М., 1990. Вып. 4: Удмурты. С. 71–76.
17. Мултанское дело. Библиографический указатель. Ижевск: Национальная библиотека Удмуртской Республики, 1997. 25 с.
18. Никитина Г. А. Народная педагогика удмуртов. Ижевск: Удмуртия, 1997. 136 с.
19. Никитина Г. А. Сельская община – бускель – в пореформенный период (1861–1900 гг.). Ижевск: УИИЯЛ УрО РАН, 1993. 166 с.
20. Никитина Г. А. Удмуртская община в советский период (1917 – начало 30-х гг.). Ижевск: УИИЯЛ УрО РАН, 1998. 225 с.

21. *Обухова Г. И.* Семейно-имущественные отношения по обычному праву у крестьянства Удмуртии в XVIII в. (по актам крепостных контор) // Семейный и общественный быт удмуртов в XVIII–XX вв.: Сб. статей / Отв. ред. В. Е. Майер. Устинов: НИИ при Совете Министров УАССР, 1985. С. 18–35.
22. *Первозчиков Ю. А.* Удмуртский этнос и современное международное право // Информационно-методический сборник № 6. Ижевск: Министерство национальной политики Удмуртской Республики, 2002. С. 59–66.
23. *Первозчиков Ю. А.* Этническое меньшинство и государство: в поисках компромиссов (К «финно-угорскому вопросу» в национальной политике России) // Правозащитник. 2005. № 4. С. 35–42.
24. *Попова Е. В.* Семейные обычаи и обряды бесермян: (Конец XIX – 90-е XX вв.); Удм. ин-т истории, яз. и лит. Ижевск, 1998. 241 с.
25. *Семенова Л. И.* Культура и быт современной удмуртской семьи // Ижевск: УИИЯЛ УрО РАН, 1996. 124 с.
26. *Смирнова С. К.* Права народов в мультиэтничном государстве: Путь России. Исследования по прикладной и неотложной этнологии № 151. М., 2002. 41 с.
27. *Смирнова С. К.* Феномен Удмуртии. Этнополитическое развитие в контексте постсоветских трансформаций. М.–Ижевск, 2002. С. 127–150.
28. *Тихонов В. П.* Материалы для изучения обычного права среди крестьян Сарапульского уезда Вятской губернии. Ч. I // Сборник сведений для изучения быта крестьянского населения России. М., 1891. Вып. 3. 146 с.
29. *Харузин М. Н.* Очерки юридического быта народностей Сарапульского уезда Вятской губернии // Юридический вестник. 1883. № 2. С. 257–291.
30. *Христолюбова Л. С.* Семейные обряды удмуртов: Традиции и процессы обновления. Ижевск: Удмуртия, 1984. 127 с.
31. Человек и право. Книга о Летней школе по юридической антропологии / Отв. ред. Н. И. Новикова, В. А. Тишков. М., 1999. 196 с.
32. *Шепталин А.* Правовой аспект Мултанского дела в Удмуртии // Новая волна в изучении этнополитической истории Волго-Уральского региона: сборник статей / Под ред. К. Мацузато. Sapporo: Slavic Research Center, Hokkaido University, 2003, С. 225–262.
33. *Шепталин А. А.* Объектно-предметная сфера этноправовой экспертизы // V Конгресс этнографов и антропологов России: тезисы докладов. Омск, 9–12 июня 2003 г. М., 2003. С. 284.
34. Юридическая антропология. Закон и жизнь / Отв. ред. Н. И. Новикова, В. А. Тишков. М., 2000.
35. *Якушкин Е. И.* Обычное право. Материалы для библиографии обычного права. Вып. 1–4, в 4-х тт. Ярославль, 1875–1909.

Поступила в редакцию 15.12.2015

Yu. A. Perevozchikov

On Ethno-Legal Research in Udmurt Studies

The article presents a review of papers in ethnography that are devoted to legal aspects of the Udmurt ethnic culture. Special emphasis is put on resonant criminal precedents (*Multan* and *Ludorvay* cases) in order to better understand the specificity of traditional customary

law norms. The results of the discussions devoted to *keneš* (self-government institution of the Udmurt community) are analyzed. The article singles out the principal courses of ethno-legal research in Udmurt ethnos studies. Applied aspects of legal ethnology in contemporary ethno-social and ethno-cultural practices are covered.

Keywords: legal ethnology, customary law, Udmurts, Udmurt community *buskel*, community self-government institution *keneš*.

Перевозчиков Юрий Александрович,

кандидат исторических наук, доцент,
ФГБОУ ВПО «Удмуртский государственный университет»
426034, Россия, г. Ижевск, ул. Университетская, 1
E-mail: gudyri@mail.ru

Perevozchikov Yury Aleksandrovich,

Candidate of Sciences (History), Associate Professor,
Udmurt State University
426034, Russia, Izhevsk, Universitetskaya St., 1
E-mail: gudyri@mail.ru